

Часть I

Глава I

Иван Иванович с облегчением вздохнул. Минул четверг, операционный день. Обычный рабочий день, как все за сорок лет проведенные им в отделении хирургии. Впрочем, не такой уж и обычный. Сегодня он провел три удачные операции — значит, им были спасены еще три жизни. Можно было бы спокойно уйти на заслуженный отдых, уехать жить в деревню, в родительский дом, и ухаживать за больной матерью. Он так и собирался сделать чуть ли не каждый день, но уход с работы постоянно откладывал на завтра, на послезавтра, на весну, на лето, на «после отпуска». По вечерам, когда одолевала усталость после тяжелой смены, он мечтал о том дне, когда можно будет не ломать голову, размышляя о правильности поставленного диагноза, о непредвиденных реакциях организма послеоперационных пациентов, а просто проснуться рано утром под крик петухов в деревне и, нырнув в густой туман, спуститься к тихой речушке с удочкой в руках. А наутро Иван Иванович просыпался под гул машин, проносящихся под его окнами, и снова с головой окунался в работу. Нельзя сказать, что он внушил себе, будто без него отделение хирургии закроется и земля перестанет вращаться вокруг своей оси. Просто он очень любил свою работу и не мог представить собственную жизнь без белого халата и скальпеля в руках.

Иван Иванович снял халат, открыл скрипучую дверцу шкафа и аккуратно повесил его на вешалку. Его работа не допускала ошибок и требовала постоянной, ежеминутной бдительности, аккуратности и щепетильности. Таким он и был — или таким его сделала работа? Он включил электрочайник и взглянул на часы. Вот-вот должен подойти Виталий и принять смену. Виталием Иван Иванович был доволен. Пожалуй, из всех хирургов, с какими ему приходилось работать, этот молодой парень был самым перспективным. Именно ему Иван Иванович с огромным желанием передавал свой накопленный годами опыт и знания. Виталий Степанович, как звали его в отделении все, кроме Ивана Ивановича, работал хирургом только два года, но провел самостоятельно уже немало сложных операций. Чувствовалось, что молодой человек на своем месте. С одной стороны, Ивана Ивановича это радовало, а с другой — он ревностно относился к удачливости молодого хирурга. Но это была добрая, белая зависть, и Иван Иванович не видел в ней ничего предосудительного.

«Вот дождусь момента, когда Виталий покажет себя с лучшей стороны на все сто процентов, тогда и уйду с работы», — задумал однажды Иван Иванович и стал ожидать подходящего момента.

Чайник вскипел, и кнопка его щелкнула. Почти одновременно кто-то постучал в дверь.

— Можно? — спросил молодой, высокий, если не сказать длинный, парень в очках, открывая дверь.

— Заходи, Виталик, — расплылся Иван Иванович в доброй отеческой улыбке. — Я уже и чайник вскипятил, ожидая тебя.

— Я не опоздал, — заметил Виталий. — Здравствуйте, Иван Иванович.

Несмотря на высокий рост, Виталий не сутулился, как это обычно бывает, держался ровно, словно натянутая струна, и от этого казался еще выше. Его голубые глаза ве-

село смотрели из-за очков. Он быстрым, ловким движением натянул белоснежную шапочку на коротко остриженные светло-русые волосы и набросил халат на зеленую футболку с непонятной надписью «ML».

— Я готов пить чай и принимать смену, — широко улыбнулся он.

— Не смену, а смены, — поправил Иван Иванович, ставя на стол две фарфоровые чашки в мелкий синий цветочек.

— Как это?

— Мне надо съездить к матери в деревню, — сказал Иван Иванович. — Я хочу попросить тебя отработать ночную смену за себя и дневную — за меня.

— Без проблем. — Виталий широко развел длинные руки в стороны. — Сколько угодно.

— А как же твоя личная жизнь? Как невесты?

— А-а... — Виталий небрежно махнул рукой и поморщился, отчего его очки сползли на кончик носа. — Какие там невесты!

— Эх, мне бы твои годы... — улыбнулся Иван Иванович в седые усы. — Я бы ни одной сестрички в отделении не пропустил.

— Они все заняты, — ответил Виталий, отхлебывая чай.

— Тогда остаются больные. Какие тебе больше подходят: с переломами, аппендиксные или черепно-мозговые?

— Ну и шуточки у вас, Иван Иванович! Лучше расскажите, как ваша мама.

— Рана не заживает, гноится. Что тут поделаешь? Возраст и сахар. Сахар, возьмите себе на заметку, молодой коллега, хорош только в чае, а не в крови, — улыбнулся Иван Иванович.

— А сколько вашей маме?

— Восемьдесят шестой пошел.

— Да-а, — протянул молодой доктор, — возраст мешает выздоровлению.

— Мать жива, а отца нет уже десять лет, — сказал Иван Иванович, и по его лицу пробежала тень. Он сделал несколько глотков, и его глаза снова лукаво блеснули. — А хочешь, я тебе из деревни девушку привезу? Сейчас там большой выбор: доярка, алкашка, брошенная мужем с тремя детьми...

— Иван Иванович! — взмолился Виталий. — Давайте я лучше смену принимать буду!

Проводив коллегу до лифта, молодой врач обошел палаты и, убедившись, что все в порядке, отправился в свой рабочий кабинет. Заведующий отделением уехал на два дня в столицу на симпозиум, Иван Иванович — в деревню к больной матери, а ему, Виталию, предстояло провести на работе сутки. Поэтому, пока в отделении спокойно, нужно срочно заняться малоприятным, неинтересным, но необходимым делом — писаниной. Он сел за стол, где аккуратной стопкой лежали бумаги и карточки больных, и вспомнил, как его первый раз подвели к наставнику. Иван Иванович показался Виталию чересчур строгим, даже жестоким. Он бросил беглый скептический взгляд на растерянно хлопающего глазами новоиспеченного врача и, скривившись, спросил:

— Значит, хочешь стать хирургом?

— Да, хочу, — сказал Виталий.

— Очень хочешь или по долгу службы положено?

— Я очень хочу стать хорошим хирургом, — набравшись смелости, твердо, четко выговаривая каждое слово, произнес Виталий. Похоже, это произвело на опытного врача впечатление: глубокие морщины на его лбу разгладились.

— Гм... — хмыкнул доктор и глянул Виталию в глаза сквозь стекла очков. — Учиться умеешь? Слушать старших?

Молодой доктор почувствовал себя стоящим у доски и плохо выучившим уроки школьником.

— Я, уважаемый Иван Иванович, внимательно вас слушаю.

— Уважаемый? — переспросил Иван Иванович, и в его голосе прозвучали насмешливые нотки. — Видишь меня первый раз в жизни и уже так называешь...

— Вас все здесь уважают: персонал, врачи, больные. У меня нет повода относиться к вам неуважительно, — сказал Виталий и задумался, удастся ли найти общий язык с этим седым усатым человеком.

— Идем пить чай, — неожиданно объявил Иван Иванович, резко повернулся и пошел по коридору. — Традиция у нас такая, — сказал он, заходя в кабинет. — На спиртное — табу, а вот чай... Пришел на работу — попил, уходишь — попил, хочешь пообщаться — прошу на чашку чаю. Надеюсь, ты не против наших традиций?

— Давайте я приготовлю, — предложил Виталий и этим положил конец настороженному отношению своего наставника.

— Запоминай, Виталик, первое правило, — сказал тогда доктор, потягивая ароматный чай. — Всегда сохраняй спокойствие, что бы ни случилось. Паника мгновенно посеет в тебе неуверенность в правильности принимаемого решения, что может привести к врачебной ошибке. А это, как у минера, недопустимо.

— Ясно, — кивнул головой Виталий. — Надо всегда быть спокойным.

Тогда он впервые увидел довольную улыбку Ивана Ивановича. Она оказалась широкой и доброй, как у его отца...

Виталий Степанович положил перед собой первую историю болезни и принялся за работу. Когда он закончил и расправил затекшую от долгого сидения на неудобном совдеповском стуле спину, было уже десять вечера. Он еще

раз прошелся по отделению и, довольный, вернулся в кабинет, чтобы поужинать.

«Начало неплохое, — подумал он. — Если так пойдет и дальше и не будет внеплановых больных, две смены пролетят незаметно».

В полночь он погасил в кабинете свет, улегся на скрипучий, заново обитый дерматином диванчик и с удовольствием вытянул ноги. Нужно было вздремнуть хоть пару часиков, ведь впереди еще дневная смена. Он и не заметил, как провалился в сон. До утра его никто не потревожил. Первые робкие лучики солнца, ворвавшись сквозь приоткрытые жалюзи, затанцевали по стенам, переместились на диван, попали на лицо мирно спящего молодого врача и разбудили его. Он зажмурился, протянул руку и нащупал на тумбочке свои очки. Потом протер глаза, надел очки и взглянул на часы. Было пять ноль-ноль.

«Вот это я задрых!» — подумал Виталий и вскочил с дивана. Плеснув в лицо холодной водой из-под крана прямо здесь, в кабинете, он почувствовал прилив сил и включил электрочайник. Ночь прошла спокойно, и наступавший ясный майский день не предвещал ничего плохого.

В отделении уже началось обычное утреннее движение. Виталий Степанович шел по длинному коридору и гасил свет, который забыла выключить дежурная медсестра. По привычке он взглянул на часы. Было только пять двадцать. «Почему-то ночью и ранним утром время имеет свойство замедляться», — мелькнула мысль. Он увидел бежавшую навстречу медсестру Асю и уже собрался сделать ей замечание по поводу оставленного света, как разглядел ее раскрасневшееся лицо и перепуганные глаза.

— Виталий Степанович! Виталий Степанович! — запыхавшись, выпалила Ася. — Там... Там такое!

— Что случилось?